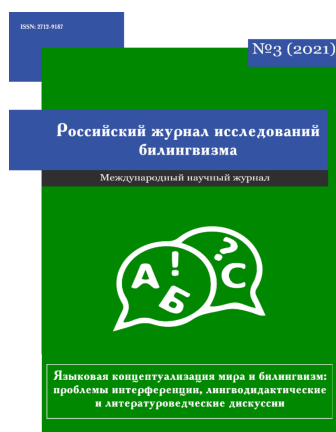

Российский журнал исследований билингвизма 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Языковая концептуализация мира и билингвизм: проблемы интерференции, лингводидактические и литературоведческие дискуссии Том . 2021

Лермонтовские герои в полилингвальном мире: поэтика повести «Бэла»

Афанасьева Эльмира Маратовна

*главный научный сотрудник Лаборатории филологических исследований, ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

Статья посвящена исследованию художественного мира повести М.Ю. Лермонтова «Бэла» в аспекте полилингвальной коммуникации. Несмотря на нарративную установку создания путевых записок, т.е. письменного текста, произведение наполняется множеством голосов как героев с европейским сознанием, так и горцев. События первой главы романа «Герой нашего времени» разворачиваются на Кавказе. Это – многонациональный мир, в котором практически одновременно звучат русский, осетинский, грузинский, «татарский» языки. Кавказское многоязычие порождает ряд ситуаций, связанных как с языковым барьером, так и его преодолением. Чужак, не знающий местный язык, рискует быть обманутым проводниками. Переход от одной языковой системы в другую осуществляется посредством героев, выполняющих роль переводчиков. Билингвизм, присущий, например, Максиму Максимычу, обнаруживает «коммуникативные лакуны», когда рассказчик признается в невозможности объяснить или перевести слова, произнесенные горцами. Печорин учит татарский, а черкешенка Бэла начинает говорить по-русски. Полилингвальная ситуация повести формирует художественный дискурс, в котором каждый из героев находится в исключительной коммуникативной реальности – понимая или не понимая чужой язык, осваивая минимальные языковые формулы или же стремясь выучить другой язык.

Ключевые слова: Поэтика, художественный дискурс, М.Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», «Бэла», языковой барьер, билингвизм, многоязычие.

Ссылка для цитирования:

Афанасьева Э. М. Лермонтовские герои в полилингвальном мире: поэтика повести «Бэла» // Российский журнал исследований билингвизма – 2021. – Языковая концептуализация мира и билингвизм: проблемы интерференции, лингводидактические и литературоведческие дискуссии С. 40-48 [Электронный ресурс]. URL: <https://bilingualism.ru/S271291870019310-7-1> (дата обращения: 15.05.2024).

¹ **Введение**

² Проблемы, связанные с литературным билингвизмом (в т.ч. созданием произведений на неродном для автора языке) и билингвизмом творческим (например, исследование автопереводов), уже давно стали предметом специального изучения [3, 11, 17, 18, 20, 21 и др.]. Как представляется, в меньшей степени исследован художественный дискурс произведений, в которых переход с одного языка на другой становится основой эстетического события. Между тем, взаимодействие разных языковых систем в ситуации, когда герой оказывается внутри билингвальной или полилингвальной языковой ситуации, явление весьма распространенное, особенно когда речь идет о русской литературе XIX века.

³ Дворянская культура России формировалась на основе билингвальной модели коммуникации: русский и французский языки сосуществовали, маркируя ту или иную модель поведения светского человека [8, 18]. Однако весьма часто интерес к иностранным языкам выходил за пределы билингвизма и порождал полилингвальную языковую ситуацию, что не могло не отразиться на художественной литературе этого периода.

⁴ Предлагаемое исследование посвящено анализу поэтики повести М.Ю. Лермонтова «Бэла» в аспекте полилингвальной коммуникации. Многоголосие, в которое попадает автор записок, путешествующий по Кавказу, с первой страницы повести погружает в ситуацию межъязыкового взаимодействия героев в мире, где одновременно звучат русский, осетинский, грузинский, «татарский», французский языки. Процесс смены «языкового регистра», переход из одной языковой системы в другую, причины, побуждающие героев учить другой язык, – всё это формирует художественный дискурс лермонтовской повести об истории любви русского офицера и черкешенки.

⁵ Прежде, чем перейти к анализу произведения, отметим важную составляющую языковой личности автора этого текста. Как и большинство дворян начала XIX века, М.Ю. Лермонтов был включен в процесс изучения не одного, а нескольких иностранных языков. Он изучал латынь и греческий, знал французский, немецкий, английский языки, занимался изучением «татарского». Бабушка будущего поэта Е.А. Арсеньева нанимала для единственного внука учителей и гувернеров – носителей тех языков, которые предстояло освоить юному Мишелю [5, с. 555; 7]. Известно, что немецким языком Лермонтов занимался с бонной Христиной Ремер, французским – с гувернерами Жаном Капе и Жаном Жандро [7, с.56]. Английский язык он начал учить с семейным гувернером англичанином Ф.Ф. Виндсоном, что дало возможность познакомиться Лермонтову с творчеством Байрона и Шекспира [7, с. 56-57; 16, с. 30]. Изучение иностранных языков продолжилось в Московском

благородном пансионе, Московском университете, а позже - в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

⁶ Осознанный интерес к кавказским языкам поэт проявил во взрослом возрасте, во время ссылки. До нас дошло письмо М.Ю. Лермонтова 1837 года, в котором он сообщает С.А. Раевскому: «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, – да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться» [15]. Существует несколько версий относительно упоминаемого Лермонтовым языка. Одна из ключевых зафиксирована в «Лермонтовской энциклопедии»: «В те годы «татарами» называли на Кавказе всех мусульман, а под «татарским» языком понимали, помимо собственно татарского, все тюркские языки Кавказа — азербайджанский, ногайский, кумыкский, карачаево-балкарский» [16, с. 564]. Литературоведы склонны связывать упоминаемый Лермонтовым «татарский» язык с азербайджанским. Хотя, возможен и расширенный вариант толкования. В.Э. Вацуро соотносит изучение азербайджанского с интересом к восточному фольклору и записью «турецкой сказки» Ашик-Кериб [5, с. 131].

⁷ В аспекте заявленной темы важно отметить то, что Лермонтов не только владел несколькими языками, но сам процесс изучения другого языка для него был объектом рефлексии. На эту особенность мы обратим внимание, исследуя природу полилингвального дискурса повести «Бэла».

⁸ **Поэтика повести Лермонтова «Бэла»: герой в иноязычном мире**

⁹ Повествовательная стратегия первой главы «Героя нашего времени» ориентирована на письменную модель высказывания. Отметим сразу сложность дискурсивной организации текста. Странствующий офицер, путешествуя по Кавказу, создает путевые заметки. И в эти заметки встраивается голос случайного попутчика Максима Максимыча, рассказывающего об истории своего знакомства с Печориным (о символике книги и феномене «чтения души» в романе см. [1, 2]).

¹⁰ Процесс создания письменного текста погружен в атмосферу наблюдения путешественника за всем, что происходит вокруг. Экспозицией повести становится описание дороги через Койшаурскую Долину к Койшаурской Горе. И уже во втором абзаце в письменное слово проникает слово звучащее, характеризующее атмосферу путешествия: осетин-извозчик «во всё горло распевает песни» [13, с. 203]. Позже, описывая остановку у подножья горы, странник оказывается в центре непонятного ему языкового шума: «толпилось шумно десятка два грузин и горцев» [13, с. 204]. Таким образом, начало повести погружает не только в пейзажные реалии, воспринимаемые свежим взглядом странника, но и в особую ситуацию, которую можно охарактеризовать следующим образом: человек в иноязычном мире. Эта ситуация делает практически беззащитным участника событий перед обманом. Безымянный странник не знает ни культуры кавказских народов, ни их языка, однако его светский взгляд уже может идентифицировать детали кавказского быта: маленькую кабардинскую трубочку и черкесскую шапку нового знакомого. Первый урок в восстановлении справедливости взаимоотношений между «чужаком» и горцами связан с преодолением языковых барьеров благодаря посреднику, которым и становится случайный попутчик Максим Максимыч, давно служащий на Кавказе.

¹¹ Обратимся к фрагменту повести, обостряющему проблему языкового барьера. Странствующего офицера удивляет, что его практически пустую тележку шесть быков еле-еле тянут в гору, в то время как следующую за ним груженную до верху телегу

четверка быков везёт «как ни в чем не бывало». Объяснение Максима Максимыча выглядят следующим образом: «Да так-с! Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат? А чёрт их разберет, что они кричат? Быки-то их понимают; запрягите хоть двадцать, так коли они крикнут по-своему, быки всё ни с места... Ужасные плуты! А что с них возьмешь?.. Любят деньги драть с проезжающих...» [13, с. 205]. И далее: «Ведь этакой народ, — сказал он, — и хлеба по-русски называтьне умеет, а выучил: «Офицер, дай на водку!»» [13, с. 205].

¹² Возникает ситуация, когда чужак, не знакомый с кавказским миром, попадает в смоделированную коренными жителями ловушку. Быки реагируют на команды осетин, а путник вовлекается в обман. Путешественник, не владея местным языком, вынужден переплатить и «дать на водку» за якобы активные старания проводников. Н.В. Турбин в работе, посвящённой ситуации двуязычия в творчестве Пушкина и Лермонтова, подметил следующее обстоятельство: «Ситуация двуязычия» у Лермонтова прежде всего возникает там, где есть заговор, сговор тех, кого объединяет знание некоего языка, против тех, кто языка говорящих не знает» [21, с. 100].

¹³ Отметим ещё одну деталь. Лермонтовский текст стремится к преодолению монологического дискурса (который, конечно, играет важнейшую роль в романе об «истории души человеческой») Я-контекста, устремляясь в сферу диалога [10, 24]. Показательным является процесс *коммуникативного взаимодействия* между героями. Осетины включают в свой лексикон минимальный набор русских слов. Причём явный языковой барьер «отыгрывается» в данном случае в пользу изначально подразумеваемой коммерческой выгоды, что усиливает прагматическую функцию общения.

¹⁴ **Разноязычие и билингвизм в художественном мире «Бэлы»**

¹⁵ Вместе с появлением Максима Максимыча в повествовательной структуре «Бэлы» появляется и новый рассказчик, а через него воссоздается полифония смыслов, ориентированная на раскрытие драматичной истории любви героев, принадлежащих разным культурам. В.В. Виноградов следующим образом охарактеризовал стиль речи Максима Максимыча: «Устно-бытовой сказ, драматически построенный на основе фамильярного просторечия, на основе простой мещанской речи... с примесью выражений военного диалекта и местных экзотизмов. Синтаксический строй этого сказа полон отражений устной речи, тем более что сказ Максима Максимыча композиционно вырастает из его реплик и местами переходит в диалог со спутником — автором путевых записок» [6, с. 570]. И далее – «Максим Максимыч в своём сказе драматически воспроизводит речи персонажей, как бы цитируя их по памяти» [6, с. 574].

¹⁶ Действительно, в повести формируется сложная система голосов, трансляторами которых являются автор путевых записок и Максим Максимыч. Как отмечает Б.М. Эйхенбаум, «Лермонтову надо было, с одной стороны, сохранить тональную разницу двух рассказчиков, а с другой – создать единство авторского повествовательного стиля, не дробя его на отдельные языки: «едущего на перекладных» писателя, старого штабс-капитана, разбойника Казбича, мальчишки Азамата, Бэлы и самого Печорина (слова которого, по выражению Максима Максимыча, «врезались» у него в памяти)» [23, с. 294].

¹⁷ Отметим важный момент. Ретрансляторами голосов персонажей первой главы «Героя нашего времени» являются два рассказчика – странствующий офицер и

Максим Максимыч. Один совершенно не владеет тюркскими языками, второй хорошо знает и язык, и культуру горцев.

¹⁸ Новые оттенки смыслов межъязыкового взаимодействия героев повести проступают в рассказе Максима Максимыча об истории любви Печорина и Бэлы. Знакомство русского офицера с 16-летней черкешенкой происходит на свадьбе ее старшей сестры. Описывая свадебные традиции горцев, Максим Максимыч опускает то, что не может объяснить: «Сначала мулла прочитает им что-то из Корана» [13, с.120]. Однако именно он становится переводчиком для героев, принадлежащих разным культурам. Приведем фрагмент разъяснения песенного комплимента, который пропела юная дочь князя, обращаясь к Печорину:

¹⁹ «— А что ж такое она пропела, не помните ли? — Да, кажется, вот так: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нем золотые. Он как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду». Печорин встал, поклонился ей, приложив руку ко лбу и сердцу, и просил меня отвечать ей; я хорошо знаю по-ихнему, и перевёл его ответ» [13, с. 210-211].

²⁰ Интересны наблюдения С. Л. Фокина, предметом исследования которого стали переводы романа Лермонтова на французский язык. Автор правомерно поставил проблему «перевода перевода» в ситуации разноразличия – то есть перевода фрагмента «Бэлы», в котором Максим Максимыч выступает в роли переводчика между черкешенкой и Печориным. При этом С.Л. Фокин обратил внимание на следующее: «Перевод и разноразличия оказываются впутанными в самые интимные отношения персонажей, когда Печорин вынужден учиться «по-татарски», а его кавказская пленница — языку своего завоевателя» [22, с. 826-827]. Данное заключение нуждается в уточнении. Переводчики в полилингвальном мире «Бэлы», действительно, включены в «самые интимные отношения» героев, однако сами герои стремятся преодолеть разноразличия – каждый по-своему.

²¹ Казалось бы, Максим Максимыч ориентирован на билингвальную модель коммуникации. По наблюдениям И.С. Юхновой, он «существует в пространстве чужой культуры, осваивает её: он знает язык, обычаи горцев, их менталитет, поэтому и смог адаптироваться в их мире. Однако чужая культура для него так и остается чуждой его внутренним установкам. Этим обусловлены реплики, содержащие негативные оценки местных нравов» [24, с. 76]. Однако билингвизм Максима Максимыча нередко входит в зону коммуникативных лакун. Он неоднократно признается в невозможности понять то или иное языковое явление. Его утверждение «я хорошо знаю по-ихнему», как видно, соотносится с возможностями обыденной коммуникации. Но в то время, когда он сталкивается с тем, что не может понять, это маркируется невозможностью перевода: «Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат? А чёрт их разберет, что они кричат?»; «Сначала мулла прочитает им что-то из Корана», «Он что-то нам *закричал по-своему* и занес над нею кинжал» [13]. То же касается его попыток разобраться в европейских традициях. Странствующий офицер воспроизводит диалог, спровоцированный Максимом Максимычем:

²² «— А всё, чай, французы ввели моду скучать? — Нет, англичане. — А-га, вот что! — отвечал он, — Да ведь они всегда былиотъявленные пьяницы?» [13, с. 233].

23

В билингвальной, в т.ч и межкультурной, коммуникации Максима Максимыча отражен особого типа механизм изменения модуса общения, отмеченный Б.М. Гаспаровым: «Языковая мысль говорящего настроена на партнера, ситуацию, содержание, жанр коммуникации, и эта настроенность естественным образом определяет, попадает ли в поле его действий материал только “одного” из известных ему языков, или только “другого”, или их обоих вместе, в разных пропорциях и разных функциональных соотношениях» [8, с. 86].

24

Герои повести оказываются в ситуации взаимосуществования или взаимовлияния языков и культур, маркируя зоны непонимания, понимания или коммуникативные лакуны, связанные с миром другого языка, другой культуры.

25

История любви Печорина и Бэлы: к вопросу об устранении языковых барьеров

26

Проблема устранения коммуникативного барьера в повести достигает пика после осуществления плана Печорина, связанного с похищением Бэлы. Если во время знакомства русского офицера и черкешенки их переводчиком был Максим Максимыч, то после похищения героини коммуникация становится возможной благодаря желанию и Печорина, и черкешенки войти в сферу другого языка, открывающего возможности прямого диалога. Это важный этап взаимного – в т. ч. языкового – сближения героев. Печорин нанимает для Бэлы духанщицу, знающую татарский язык, и сам начинает изучать язык своей пленницы. Однако отметим некоторые особенности межкультурной коммуникации, проявленные на этом этапе сюжетного развития. Обратимся к фрагменту романа, в котором Печорин, весьма яростно, объясняет Максиму Максимычу стратегию завоевания Бэлы:

27

«Я нанял нашу духанщицу: она знает по-татарски, будет ходить за нею и приучит её к мысли, что она моя, потому что она никому не будет принадлежать, кроме меня, — прибавил он, ударив кулаком постолу. Я и в этом согласился. Что прикажете делать? есть люди, с которыми непременно должно соглашаться» [13, с. 219].

28

Духанщица, по замыслу Печорина, должна стать транслятором его мыслей. Между тем, преодоление языкового барьера идёт и со стороны Бэлы. В момент активного давления на неё Печорина, героиня защищается не только физически, но словесно, входя в зону неродного для нее языка:

29

«Он взял её руку и стал её уговаривать, чтоб она его поцеловала; она слабо защищалась и только повторяла: «Поджалуста, поджалуста, не нада, не нада». Он стал настаивать; она задрожала, заплакала. — «Я твоя пленница, — говорила она: — твоя раба; конечно, ты можешь меня принудить», — и опять слёзы» [13, с. 221].

30

В пересказе данного эпизода Максимом Максимычем проявляется акцент черкешенки, начинающей говорить на чужом для неё языке. Этот, насколько известно, не отмеченный в лермонтоведении дискурсивный прием усиливает психологическую составляющую любовного сюжета повести. Проблема билингвизма, которая изначально развивалась с помощью переводчиков (такowymi являются и Максим Максимыч, и духанщица), в определённый момент устраняет посредников и возникает особого рода перекрёстный язык героев разных культур. Показательным является использование слова «джанечка» (душечка) и Печориным, и Бэлой незадолго

до смерти героини, что обнаруживает интимно-камерную сторону общения влюблённых. Приведем примеры.

³¹ «— Умерла; только долго мучилась, и мы уж с нею измучились порядком. Около десяти часов вечера она пришла в себя; мы сидели у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. — «Я здесь, подле тебя, моя джанечка (то есть, по-нашему, душенька)» — отвечал он, взяв её за руку. — «Я умру!» — сказала она. — Мы начали её утешать, говорили, что лекарь обещал её вылечить непременно; — она покачала головой и отвернулась к стене: ей не хотелось умирать!..» [13, с. 235].

³² «Потом она также говорила о Печорине, давала ему разные нежные названия или упрекала его в том, что он разлюбил свою джанечку» [13, с. 235].

³³ В повести наблюдается эстетически значимый процесс взаимодействия героев, преодолевающих Я-контекст в диалоге с другим Я. Как отмечает М.М. Бахтин, «изнутри себя самого, без всякого посредства любящего другого, человек никогда не мог бы заговорить о себе самом в ласкательно-уменьшительной форме и тонах» [4, с.50]. Бэла дает Печорину нежные названия или упрекает в том, что он разлюбил «свою джанечку», то есть транслирует интимный язык любви.

³⁴ В развитии любовного сюжета повести наблюдается динамика языкового взаимодействия между героями разных культур. От разноязычия, которое преодолевается с помощью героев-переводчиков, и Печорин, и Бэла приходят к ситуации, приближенной к билингвальной. Оба героя стремятся понять языки друг друга. Семиотические сферы разных языков в интимном общении вступают во взаимодействие, языковым маркером такого общего языка влюбленных становятся и нежные слова, и слово «джанечка».

³⁵ **Художественная семантика билингвем в повести «Бэла»**

³⁶ Полингвальный мир «Бэлы» связан, прежде всего, с процессом взаимодействия русского языка и языков Кавказа. В рассказе Максима Максимыча тюркские слова становятся характеристикой героев, включённых в развитие сюжета повести. Так, описывая свою «славную лошадь», он даёт ей характеристику с позиции другого сознания – сознания горцев: «неодин кабардинец на неё умильно поглядывал, приговаривая: *якиши тхе, чек якиши!*» [13, с. 212]. Включение в речь русского героя тюркских слов отмечено в тексте курсивом, т.е. становится семантически значимым элементом. Важно отметить то, что похвала исходит от кабардинцев, в родовой истории которых конь воспринимается как величайшая ценность.

³⁷ Тюркские вкрапления присутствуют в речи Казбича: «— Если б у меня был табун в тысячу кобыл, — сказал Азамат, — то отдал бы тебе его весь за твоего Карагёза. — *Йок*, не хочу, — отвечал равнодушно Казбич» [13, с. 213]. «— Нет! Урус яман, яман! — заревел он и опрометью бросился вон, как дикий барс» [13, с. 217].

³⁸ Язык Азамата воссоздает реалии мира горцев, для которого ценностью являются и храбрость джигита, и его оружие: «Шашка его настоящая гурда: приложи лезвием к руке, сама в тело вопьётся; а кольчуга - такая, как твоя, нипочём» [13, с. 213].

³⁹ На фоне активного интереса к языкам горцев один раз в повести присутствует обращение к французскому языку. Этот эпизод достоин отдельного внимания. Странствующий офицер, описывая переезд через Крестовую Гору, вводит небольшой

комментарий, помещенный в скобки: «Переезд через Крестовую Гору (или, как называет её ученый Гамба, le Mont St.-Christophe) достоин вашего любопытства» [13, с. 225]. Далее следует объяснение названия Чертова Долина. В истории лермонтоведения исследован вопрос о возможной переключке данного фрагмента «Бэлы» с путевыми записками королевского консула Жака-Франсуа Гамбы. Они были изданы в Париже в 1824 году (второе издание – 1826 год). Записки имеют весьма пространное название: «Voyage dans la Russie Méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824; par le chevalier Gamba, consul du roi à Tiflis. Avec quatre cartes géographiques» («Путешествие в Южную Россию и, в частности, в провинции, расположенные в Закавказье, совершённое с 1820 по 1824 год кавалером Гамба, королевским консулом в Тифлисе. С четырьмя географическими картами») [9, с. 698]. В примечаниях к академическому изданию романа находим следующий комментарий: «Лермонтов имеет в виду следующее место в этой книге: «Наши лошади постепенно углублялись в снег и лёд, и мы были вынуждены обратиться к помощи волов, отданных в наше распоряжение; они после четырёх вёрст медленного и тяжёлого ходу подвезли нас на вершину горы св. Кристофа, до высшей точки нашего путешествия»» [13, с. 667].

⁴⁰ Как представляется, вкрапление французского слова в текст повести о Кавказе получает дополнительный смысл именно в связи с полилингвальной поэтикой произведения. Читатель – современник Лермонтова – явно воспринимал переводческую подмену при переходе топонима из одного языка в другой. Упоминаемая в романе Крестовая Гора – образ, который манил и Лермонтова-писателя, и Лермонтова-художника. Картину «Крестовая гора», созданную на Кавказе (1837–1838), он в 1841 году подарит другу В.Ф. Одоевскому [14, с. 202]. До нас также дошли картина «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби» и автолитография с таким же названием (1837—1838) (по предположению И.Л. Андронникова, Лермонтов изобразил гору Кабарджина, примыкающую к Крестовой с севера [14, с. 182, 184]). Соответственно, в повесть вводится хорошо знакомый автору образ. Несложно заметить, что в повести «Бэла» Крестовая Гора в переводе «ученого Гамба» превращается в le Mont St.-Christophe, то есть в Гору Святого Кристофа. Сошлемся на переводческую метафору М.М. Бахтина: «Нельзя понимать понимание как перевод с чужого языка на свой язык» [4, с. 365]. Превращение топонима Крестовая Гора в le Mont St.-Christophe связано с утратой понимания смысла словосочетания, заложенного в первоисточнике. А это значит, что автор-француз своевольно исказил исконный смысл. Скрытая ирония, связанная с ситуацией перевода, в этом же абзаце повести проецируется на толкования топонима Чертова Долина, но уже в границах одного языка. Вместо романтического образа «гнезда злого духа», появляется вполне прозаическое толкование: «Название Чёртовой Долины происходит от слова «черта», а не «чёрт», – ибо здесь когда-то была граница Грузии» [13, с. 225].

⁴¹ Описывая мир Кавказа, Лермонтов подвергает рефлексии саму ситуацию многоязычия. Тюрские билингвемы [термин С.Г. Николаева: 20] проходят двойной уровень эстетической трансляции: они или фиксируются в речи Максима Максимыча, или (по закону сюжетостроения) максимально приближаются к речи персонажей, о которых Максим Максимыч рассказывает. В свою очередь, этот рассказ встраивается в путевые записки странствующего офицера. И в тот момент, когда происходит смена языкового регистра от русско-тюркского модуса к русско-французскому, своеволие переводчика становится предметом авторской иронии.

⁴³ Первая глава романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», события которой развиваются на Кавказе, формирует сложный конгломерат смыслов, связанных с процессом взаимодействия между людьми разных культур, носителями разных языков. Полилингвальная ситуация повести «Бэла» становится основой художественного дискурса, когда каждый из героев находится в исключительной коммуникативной реальности – понимая или не понимая другой язык, овладевая минимальными языковыми навыками в разноязычном мире или стремясь выучить новый язык.

⁴⁴ Ситуация понимания или непонимания между героями разных культур в повести «Бэла» включается в более обширный дискурсивный контекст. Повествователь, хотя и знает о том, что местные проводники сознательно обманывают его, признается: «без них нам было бы хуже» [13, с. 227]. Проблема искажения исконного значения слов проецируется в сферу перевода кавказского топонима на французский язык. В то же время, неверное толкование названия, например, Чертовой Долины, потенциально присутствует и в родном языке.

⁴⁵ Кульминацией в преодолении языкового барьера становится взаимное желание Печорина и Бэлы выучить языки друг друга. Однако все усилия героев ключевого сюжета повести оборачиваются драмой. Бэла погибает, перед смертью сожалея, что в ином мире её душа не встретится с душой Печорина. Печорин признается в том, что «любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни» [13, с. 232].

⁴⁶ Семиотическое моделирование коммуникации героев, принадлежащих разным культурам, маркирует как процесс диалога понимания, так и невозможность перевести или объяснить неизвестные фразы или явления. Границы языкового круга в полилингвальном мире повести оказываются значительно уже жизненных реалий.

Библиография:

1. Афанасьева Э.М. Образ читателя и феномен чтения в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2006. № 41. С. 35-45.
2. Афанасьева Э.М. Феномен книги в художественном мире М.Ю. Лермонтова. Кемерово: КемГУ, 2012. 108 с.
3. Багироков Х.З. Билингвема – инструмент исследования двуязычия в тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2020. № 1 (252). С. 21-25.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
5. Вацуро В.Э. О Лермонтове: Работы разных лет. М.: Новое издательство, 2008. 716 с. / URL: https://imwerden.de/pdf/vatsuro_o_lermontove_2008__ocr.pdf
6. Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова // М. Ю. Лермонтов. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I. С. 517–628.

7. Висковатов П.А. М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М.: Современник, 1987. 494 с.
8. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
9. Гроссман Л. Лермонтов и культуры Востока // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I. С. 673–744. [Литературное наследство. Т. 43/44] // <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/143/143-673-.htm>
10. Зырянов О.В. Проблема личности и природа субъектно-диалогических отношений в творчестве М. Ю. Лермонтова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2014. № 4 (133). С. 10–27.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, «Перемена». 2004.
12. Кормилов С.И. Роман о преходящем и вечном. Социально-историческое и общечеловеческое в «Герое нашего времени». Статья первая // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 5 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-o-prehodyaschem-i-vechnom-sotsialno-istoricheskoe-i-obschechelovecheskoe-v-geroe-nashego-vremeni-statya-pervaya>
13. Лермонтов М. Ю. Бэла // Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 6. Проза, письма. 1957. С. 203–238.
14. Лермонтов М. Ю. Картины. Акварели. Рисунки // Лермонтов: Картины. Акварели. Рисунки: Альбом репрод. М.: Изобраз. искусство, 1980. С. 15–229 // URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/selected/k80/k80-015-.htm>
15. Лермонтов М. Ю. Письмо Раевскому С. А., // Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 6. Проза, письма. 1957. С. 440 – 441.
16. Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. Энциклопедия, 1981. 746 с.
17. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, 1986. 142 с.
18. Лотман Ю.М. Русская литература на французском языке // Лотман Ю.М. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Т. 2. С. 350 – 368.
19. Мануйлов В.А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. М.-Л.: Просвещение, 1966 // URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Person/Manujlov-1966.pdf>
20. Николаев С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов. Часть I: Теоретические основы изучения иноязычия в поэзии. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Старые русские», 2004. 176 с.
21. Турбин В. Н. «Ситуация двуязычия» в творчестве Пушкина и Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 91–103.

22. Фокин С.Л. Загадки и задачи двух французских переводов «Героя нашего времени»: Монго и Борис де Шлёцер // Мир Лермонтова: Коллективная монография. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 823–835. / URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Sborniki/Sborn.vneser/Mir%20Lermontova-2015.pdf>
23. Эйхенбаум Б. М. «Герой нашего времени» // Эйхенбаум Б.М. О прозе: Сб. ст. Л.: Художественная литература. Ленингр. отделение, 1969. С. 231–305. / URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/eih/eih-231-.htm>
24. Юхнова И.С. Проблема общения и поэтика диалога в прозе М.Ю. Лермонтова: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. 219 с. <http://www.unn.ru/site/images/docs/monography/2009/uhnova.pdf>

Lermontov's heroes in the multilingual world: the poetics of the story "Bela"

Elmira Afanasyeva

Chief researcher, Pushkin State Russian Language Institute

Russian Federation, Moscow

Abstract

The article is devoted to the study of the artistic world of M.Y. Lermontov's novel "Bela" in the aspect of multilingual communication. Despite the narrative setting of creating travel notes, i.e. a written text, the work is filled with many voices of both heroes with European consciousness and highlanders. The events of the first chapter of the novel "The Hero of Our Time" unfold in the Caucasus. This is a multinational world in which Russian, Ossetian, Georgian, and "Tatar" languages sound almost simultaneously. Caucasian multilingualism generates a number of situations related to both the language barrier and its overcoming. An outsider who does not know the local language risks being deceived by the guides. The transition from one language system to another is carried out by means of heroes acting as translators. Bilingualism, inherent, for example, to Maxim Maksimych, reveals "communicative lacunae" when the narrator admits to the inability to explain or translate the words uttered by the highlanders. Pechorin learns Tatar, and Circassian Bela begins to speak Russian. The multilingual situation of the story forms an artistic discourse in which each of the characters is in an exceptional communicative reality - understanding or not understanding a foreign language, mastering minimal language formulas, or striving to learn another language.

Keywords: Poetics, artistic discourse, M.Y. Lermontov, "Hero of our time", "Bela", language barrier, bilingualism, multilingualism.

Publication date: 23.03.2022

Citation link:

Afanasyeva E. Lermontov's heroes in the multilingual world: the poetics of the story "Bela" // Russian Journal of Bilingualism Studies – 2021. – Language conceptualization of the world and bilingualism: problems of interference, linguodidactic and literary discussions C. 40-48 [Electronic resource]. URL: <https://bilingualism.ru/S271291870019310-7-1> (circulation date: 15.05.2024).